

ПЕРМСКОЕ ПИСЬМО СПЕРАНСКОГО

Гладышев В.Ф.

Сосланный в Пермь как «французский шпион», он действительно участвовал в шпионаже, но... в пользу России

«Портрет Сперанского Михаила Михайловича»

написанный Александром Григорьевичем Варнеком.

Под лицензией Общественное достояние с сайта Викисклада

«...Одна горестная мысль раздирает мое сердце. Неприятели могли сомневаться в политических моих правилах, могли думать о привязанности моей к французской системе, но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться...

...Чтоб сделать переворот в правительстве? Но в чью пользу? Где способы? Где сообщники? Где связи?

...Смею себе присвоить, что никто, может быть, по крайней мере, случайно столько не содействовал, чтобы заранее осветить истинные намерения Франции, как я. Когда отправлял в Париж графа Нессельрода (так в тексте – ВГ), с поручением финансовым по займу, и совсем без видов дипломатических, не я представлял Вашему величеству переписку, которая впоследствии сделалась одним из главных источников сведений вернейших и полезных?»

Из «Пермского письма» тайного советника М.М. Сперанского, 1813г.

В начале 19-го века России повезло: среди государственных чиновников появился человек, который разработал и частично осуществил кардинальную программу реформирования всей финансово-денежной и управленческой системы империи. Речь идет о Михаиле Сперанском (1772-1839), ставшем ближайшим советником молодого императора Александра I. За начатыми преобразованиями внимательно следили в Европе, и не только друзья, но и потенциальные враги.

Примечательный эпизод произошел во время переговоров Александра с Наполеоном в Эрфурте в 1807 году. Бонапарт, указав на одного советника из царской свиты, обратился к русскому самодержцу с неожиданной просьбой:

- Не угодно ли вашему величеству отдать нам этого человека в обмен на какое-нибудь королевство?

Этим человеком был Михаил Сперанский... За шуткой французского императора, только что выигравшего очередную войну в Европе, крылось многое. Умных, деятельных людей ценили везде и во все времена. Но Россия – страна загадочная и непредсказуемая. История вскоре повернется так, что Сперанский отправится в другое «королевство» - он будет отправлен в ссылку в Пермскую губернию. Отправлен самим императором – как вредитель Отечеству и франкофил-изменник, или, выражаясь современным языком, – как агент влияния. И что обиднее всего, произойдет это в канун «грозы 12-го года», незадолго до нападения наполеоновских войск на Россию.

По иронии судьбы, тайному советнику, низвергнутому с властных вершин, предстоит с этих пор реально оправдывать свою кличку, а точнее сказать, дипломатический псевдоним «Путешественник», присвоенный ему во время секретной переписки с «нашим человеком в Париже» (им был граф Нессельроде). Наполеон в письмах проходил под именем «Терентий Петрович» или «Милый друг», Талейран – «мой кузен Генрих». Ну, а сам Александр Павлович обозначался как «Мудрец» или «Луиза» (ничего не поделаешь, конспирация!). Сперанский, в ту предвоенную пору проводивший дни и ночи в напряженных кабинетных трудах, беседах и размышлениях о планах государственного переустройства, фигурировал в переписке как «Путешественник». С 1812 года действительно начнется его долгое, девятилетнее вынужденное путешествие по необъятной империи. Пермь, Пенза, Сибирь...

В Перми он оказался почти в полной изоляции и в крайней нужде. Человек, которого назовут «светилом российской бюрократии», который мог разорить или обогатить любого вельможу... Реформатор, который ворочал миллионными состояниями и вкладами дворян... Он нуждался настолько, что вынужден был заложить свои ордена. Более того, тайному советнику пришлось даже занимать деньги на жизнь под векселя ... у простых людей, у своей прислуги, отдавая в залог часы и другие ценные вещи.

Граф Карл Васильевич Нессельроде или Карл Роберт фон Нессельроде

художник Франц Крюгер

Под лицензией Общественное достояние с сайта Викисклада

Ссылка в Перми продлится долгие два года. За это время Сперанский многое передумал и продумал, многое пережил. Бесценный опыт! Современные исследователи отзываются о пермском периоде жизни изгнанника на удивление в схожих интонациях. «В Перми бывший реформатор осознал необходимость...» «В Перми он почувствовал...» и т.п. (См., например: С.А.Чибиряев «Великий русский реформатор», М., 1993; «Светило российской бюрократии», М., 1991).

В пермский период Сперанский утвердился в своей правоте и в решимости идти до конца, отстаивая свои взгляды и честь. Кроме того, судьба подкинула этому сильному уму возможность наблюдать глубинную жизнь провинции, изучать изнутри, «на своей шкуре», нравы губернского города. Автор смелых либеральных реформ, названный позже «вестником другого дня», он оказался чуть не в самом низу общества, как в годы далекого детства, учебы в семинарии

(по происхождению он из поповичей). Однажды он скажет: «Кто метет лестницу, должен сначала очистить ее снизу».

В «Пермском письме Сперанского императору Александру I» 1814 года, по сути, ставшей оправдательной запиской знаменитого изгнанника, автор просит одной государевой милости – «свободы и забвения». В то же время его пермское послание содержит четкое обоснование важности преобразований, уже проведенных и только начатых.

С видимым удовлетворением Сперанский констатирует: российские министерства «устроены так, что ни одно государство в Европе не может похвастаться учреждением столь определенным и твердым... а финансовая система спасла государство от банкротства».

Что особенно важно, это удалось сделать до начала войны с Наполеоном. Если бы не удалось, исход противостояния трудно было бы предсказать.

СИЛЬНЫЕ МЕРЫ И ВАЖНЫЕ ПОЖЕРТВОВАНИЯ

Получив от царя поначалу полный карт-бланш, став государственным секретарем, товарищем (замом) министра юстиции, Сперанский сумел на долгие годы заложить основные принципы жизнедеятельности огромной бюрократической машины. Властный ресурс – большое дело для реформ. В те годы, о которых Пушкин отзывался так: «дней Александровых прекрасное начало» - Сперанский пользовался безраздельным и полным доверием государя.

К решению финансовых проблем государь призвал Сперанского с конца 1809 года, повелев «составить определенный и твердый план финансов». Положение в стране к тому времени создалось плачевное. Отставание от ведущих европейских держав наметилось по всем фронтам. Государственный долг рос катастрофическими темпами. Источник для покрытия дефицита правительство, руководимое бездарными ретроgrадами, видело лишь в выпуске потока новых ассигнаций, ничем не обеспеченных. Ресурсов, дополнительных доходов не было.

Россия находилась на краю пропасти. И Сперанский оправдал доверие. Справиться с задачей помогли ему и его «команде» единомышленников ясный аналитический ум и необыкновенная работоспособность. Уже в начале 1810 года Александр I внес план Сперанского на рассмотрение в Госсовет. Через месяц план был утвержден и обнародован уже в виде высочайшего Манифеста.

Для выхода из кризиса требовались «сильные меры и важные жертвоприношения». Какие же сильные меры предложил Сперанский?

Это изъятие из обращения ассигнаций и образование капитала для их погашения;

это сокращение государственных расходов всех ведомств и жесткий контроль;

это устройство монетной системы;

это развитие торговли, и внутренней, и внешней;

это новое налогообложение.

Ассигнация – это долговой знак государства. Чтобы создать капитал для погашения ассигнаций, объявлялась распродажа госимущества в частную собственность. С этих пор купцам 1-й гильдии, а также иностранным коммерсантам, разрешалось приобретать казенные лесные

дачи (участки), арендные имения и т.п.. Были проведены всеобщая перепись и опись имущества. Ввели пошлину на винокурение, а в имениях Пермской губернии, отметим, этот вид заводов получил широкое распространение.

В возвратном кредите, основанном на коммерческих началах, Сперанский видел двигательную силу экономики. Государство поощряло прямые займы у населения, повысив процентную ставку по облигациям. Специальные комиссии по погашению долгов (в которые входили теперь и дворяне, и купцы!) принимали вклады не менее 1000 рублей серебром. Вкладчики получали облигации, по которым ежегодно выплачивалось 6 процентов. Со Сперанского начался фактически серебряный век русского рубля.

Эти и другие меры оказались чрезвычайно эффективны, они привели к оздоровлению экономики страны. В 1811 году доходы возросли до 300 млн. руб., бюджетный дефицит уменьшился до 6 млн. руб. (в 1809 году он составлял 105 млн. руб.). Был усилен контроль за бюджетом, впервые введены в систему плановые отчетность и проверки финансов.

Однако каждое действие рождает противодействие. Этот закон сработал и против реформатора. Подходный прогрессивный налог, введенный по плану Михаила Сперанского (в наше время попытки ввести подобную форму налогообложения не увенчались успехом), налоги на дворянские имения заметно способствовали стабилизации финансов империи. Но в лице российской аристократии, помещиков, дворян, вынужденных платить теперь подати, Сперанский обрел немало непримиримых врагов.

В том числе сильные недоброжелатели появились в министерском корпусе. У одного министра финансов (им был граф Гурьев), не говоря о других, были убавлены целых два департамента, да еще пришлось сократить несколько отделений. В итоге штаты уменьшились, в денежном выражении, более чем на сто тысяч рублей ежегодно.

«...Здесь каждый министр, считая вверенное ему министерство за пожалованную деревню, - пишет Сперанский в «Пермском письме», - старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель государства – и это был я...».

Иллюминат здесь – заговорщик, член тайного общества. Добавим: один иллюминат (по подозрению в принадлежности к масонской ложе) был сослан в Пермь после войны 1812 года, это был писатель Федор Корбелецкий.

Сперанский иллюминатом не был. Он уверенно продолжает свою защиту – лучше всякого адвоката. «...Мне одному против восьми сильных надлежало вести сию тяжбу... Можно ли было достигнуть сего, не прославив разрушителем всего добра, человеком опасным и злонамеренным?», - восклицает изгнанник.

О каких же истинах, плодах собственных изысканий и размышлений хотел бы автор письма рассказать императору России? Ничего другого, кроме «указаний на достоинство человеческой природы, на высокое ее предназначение, на закон всеобщей любви, яко единственный источник бытия, порядка, счастья, всего изящного и высокого».

ТАК БЫЛ ЛИ ОН ИЗМЕННИКОМ?

Так был ли пермский ссыльный заговорщиком? Как выясняется, не был Сперанский ни членом масонской ложи, ни изменником. В «Пермском письме» тайный советник (он был оставлен при наградах и званиях) сводит суть доносов, послуживших поводом для репрессий, к трем главным пунктам:

- «1) финансовыми делами я старался расстроить государство;
- 2) привести налогами в ненависть правительство;
- 3) отзывы о правительстве».

Не словами, но логикой и математикой Сперанский доказывает, что если бы в свое время не был принят план финансовых реформ и операций, то «не только вести настоящую войну, но и встретить ее было бы не с чем».

С ропотом от налогов реформатор вынужден смиряться как с неизбежной и вполне объяснимой реакцией недальновидных владельцев. Вот с чем никак не может смириться автор письма, так это с существованием «опасных сетей, скрытых под видом личной преданности и какой-то привязанности к старым русским правилам».

Сперанский пишет императору: «Истинные Русские правила суть взаимная любовь и доверие между государем и подданными, точное отношение отца к детям. А советы, основанные на страхе и угодливости мнимому общему мнению, когда оно несправедливо и пользам государственным противно, суть советы не Русские, но советы или малодушные, или злые, и во всех отношениях Вас недостойные» (!)

Что касается третьего пункта обвинений... В своих отзывах о малодушном, консервативном правительстве, которое так отчаянно цеплялось за старый курс, реформатор мог высказаться нелицеприятно. Вот и в письме он не считает нужным сдерживаться, употребляя крепкие характеристики типа «жалкие дипломаты» и т.п. Этот «грех» Михаил Сперанский за собой признает, особенно в приливе «горести по случаю сенатских и финансовых споров». С единственным уточнением: он с возмущением и презрением отвергает «как гнусную клевету» навет на него, что под правительством, якобы, он хулит и особу императора.

По поводу обвинений в измене и франкофильстве автор «Пермского письма» также не сдерживает эмоций. Он обращает внимание на такое противоречие: «как можно быть преданным Франции и лишить ее всей торговли в России введением нового тарифа?» Надо сказать, введение по плану Сперанского таможенных пошлин было направлено на ограничение засилья на русском рынке французских товаров и поддержку отечественного производителя. Правда, резкость подобных мер казалась многим не оправданной и поспешной; у Наполеона такая политика вызвала сильное возмущение.

Михаил Сперанский напоминает императору, что среди тех, кто первым обращал внимание государя на возможность войны с Францией, был именно он. Больше того, бывший госсекретарь ставит себе в заслугу и тот факт, что он «случайно содействовал» налаживанию секретной переписки с графом Нессельроде, отправленным в Париж с финансовым поручением по займу (!) Впоследствии именно эта переписка стала одним из главных источников сведений об истинных намерениях Франции.

Таким образом, если автор «Пермского письма» и имел какое-то отношение к шпионажу, то не в пользу Франции, а совсем наоборот: при решении сугубо финансовых задач помог в предвоенный период наладить, конспиративно обставить добычу и передачу «сведений полезнейших и вернейших» о коварных галлах.

Звучит убедительно. Но еще более должен был убедить царя тот факт, что Сперанский умел держать язык за зубами, когда это касалось лично Высочайшей особы. В письме из пермского изгнания он упоминает некую тайну, не называя ее конкретно.

«Финансы, налоги, новые установления, все дела публичные, - пишет он, в коих я имел счастье быть Вашим исполнителем, все оправдывается временем. Но здесь чем я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?»

Сперанский тайны не раскрывает – а император молчаливо с ним соглашается. Конечно, он не мог забыть беседы с Михаилом Михайловичем, сомнения, споры на темы, готова ли Россия к вводу новой формы правления, конституционной монархии. На полях «Пермского письма» Александр оставил напротив «темного», нерасшифрованного места единственную пометку карандашом: NB.

В одном только месте тон автора письма меняется. Он не просит, а почти требует, чтобы император устранил, «изгладил жестокое предубеждение о связях моих с Францией».

«Перед Богом вы обязаны (!), Государь, сие сделать...»

Ссылный считает этот пункт «самым важным и единственным пятном обвинения». И именно потому, что данный слух распространился в народе.

В Перми ссылный немало настрадался именно из-за этого «пятна».

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ФАЛЬШИВКИ

Воистину пермская глушь способна навевать мысли о вечном, склонять к острому, откровенному разговору с Хроносом. Иначе чем объяснить тот факт, что великий честолюбец Сперанский, будучи в ссылке, занялся переводом сочинения Фомы Кемпийского «Подражание Христу». И в то же время тайный советник не мог смириться с мыслью, что он окончательно выведен из большой игры. Бродя по пустынным пермским улочкам, сидя на берегу Камы, изгнанник, как шпагу перед дуэлью, оттачивал, обдумывал аргументы для своей схватки с могучими недоброжелателями и завистниками.

И диалог с императорами, оборванный столь внезапно, тайный советник также продолжить.

Чего он только не наслушался о себе от пермского обывателя! Не понять то ли французский шпион, то ли черт с рогами. Однажды узнал, что он, оказывается, продал Отечество не за деньги, а... за польскую корону. Видимо, кому-то показалась подозрительной его фамилия. Михаил Михайлович горько усмехнулся при этом:

«Слава Богу, начинают лучше обо мне думать: за корону все таки извинительнее соблазниться».

В удалении от всех дел, отставленный от мировых катаклизмов, Сперанский то и дело возвращался в мыслях к фигуре Наполеона, жадно следил за вестями с театра великого военного противоборства. И не только военного. Как сильный коварный ход оценил Сперанский выпуск французами фальшивых русских ассигнаций. Миллионы наполеоновских фальшивок должны были заполнить, наводнить всю Российскую империю и подорвать ее финансовую систему.

Долетали поддельные ассигнации и до Перми. Выполнены они были на высоком уровне, трудно было отличить от настоящих денег. Правда, была допущена одна опечатка – одна буквочка (вместо «Д» - «Л»), в слове «государственный» - «госуларственный». И еще один промах: на русских деньгах росписи ответственных лиц делались вручную, а фальшивки были подписаны типографским способом.

Михаил Сперанский мог быть довольным: российский рынок не рухнул, финансовая система, в создание которой он вложил столько труда, выдержала и это наполеоновское нашествие.

КАК «ДАВНИШНИЙ ПЕРМЯК»!

Первые месяцы пермской ссылки были омрачены тем, что все местное общество сверху донизу, объединившись в патриотическом порыве, устроило ссыльному петербургскому генералу не жизнь, а просто моральную каторгу. Еще бы: о приезде пронеслась молва, что он изменник, шпион! На квартире, которую снял Сперанский, по распоряжению губернатора сидел будочник, городничий присылал пристава по несколько раз на дню и в любое время. Превратно понятый местной властью приказ о «строгом надзоре» (но тайном!) вылился в совершенно неприкрытый, суровый полицейский надзор. Вдобавок простые пермяки буквально преследовали бедного страдальца. Кто-то подучивал уличных мальчишек, за пряник или орехи, бегать по пятам ссыльного и кричать:

«Шпиен! Изменник!»

Когда Сперанский шел по галерее лавок в гостином дворе, какие-то «сознательные» гимназисты закидали его комьями грязи, благо на пермских улицах ее, грязи, было тогда в достатке. А вот семинаристы, напротив, были всегда вежливы с изгнанником, да и он с ними обходился на удивление учтиво, никакой заносчивости в его поведении не проявлялось, в отличие от иных местных чиновников.

На счастье, и в пермской глуши нашлись достойные люди, которые не испугались поддержать изгнанника, потому что не поверили в «выдуманную его завистниками измену». В самый критический момент местный купец Дмитрий Емельянович Смышляев ссудил ему 5000 рублей, причем без всяких процентов. Пособие это понадобилось ссыльному, когда к нему перебралась из его Нижегородского имения семья. Историк А. Дмитриев называет Смышляева «будущим избранником счастья», и это не случайно. (См.: «Очерки из истории губернского г. Перми», П., 1889). Сперанский не забывал добра, как только появилась возможность, он не только отблагодарил своего пермского кредитора, но состоял с ним в длительной переписке.

«Если я буду со временем счастлив – и вы будете счастливы». Такие слова молвил Михаил Михайлович при расставании с другим своим пермским приятелем, отцом Иннокентием. Этот умный батюшка, член Пермской духовной консистории и настоятель Соликамского монастыря понимал состояние ссыльного как никто другой и умел облегчить беседой его душу. Обещаний своих Сперанский не забывал, и отец Иннокентий впоследствии получил хорошее место.

Радушно встретил ссыльного Иван Николаевич Попов, в доме которого на улице Монастырской Сперанский остановился в первые месяцы пермской ссылки. Помогал Попов изгнаннику, не смотря на свое трудное положение, он был разорившимся купцом, весь капитал которого состоял только в доме. Оказывал посильное содействие Сперанскому также пермский заводовладелец и помещик Христофор Екимович Лазарев (1789-1871). Он был выходцем из состоятельных армян, создавал армянскую диаспору не только в Москве и Петербурге, но и на уральской земле. Михаил Сперанский помогал как-то братьям Лазаревым составлять бумаги на владение горнозаводскими имениями, а также по вопросам армянского «вживания» в российские реалии. Бывая в пермском доме Лазаревых на улице Набережной, у Нижнего рынка, ссыльный Сперанский познакомился с управляющими заводами, вникал в их проблемы. Он не терял времени зря, хотя порой на душе у него, как говорится, кошки скребли.

Лазарев Христофор Екимович

энциклопедия фонда "Хайазг"

В письме своему поверенному в финансовых и имущественных делах Михаил Михайлович признавался: «Последнее чувство, которое во мне угаснет, это будет доверие к людям и в особенности к друзьям моим». Шел еще 1813 год...

Если бы не встретились такие люди, изгнанник мог впасть, по его собственному признанию, в крайнее отчаяние. Потому что условия для него были созданы в первый год ссылки невыносимые.

Местная экзотика пришлась не по нутру ссылкеному. В письме своему товарищу помещику А.Столыпину (навещавшему его в Перми) Михаил Михайлович делился впечатлениями: « 32 градуса – мороз необыкновенный, а бывает и до 38. Соленые огурцы – лакомство и редкость... Почти все население составлено из ссылкойных». Нетрудно заметить явные преувеличения со стороны пишущего, уж огурцы-то для пермяков никогда не были редкостью, и насчет ссылкойных также перебор.

Приехав в Пермь, Сперанский имел неосторожность нанести визиты знакомства во многие дома, как и полагалось в то время. Ответных визитов он не дождался... И надо было видеть, как все изменилось с первыми признаками перемены участи ссылкойного. Произошло это после того, как письма ссылкойного с жалобами достигли своего адресата. К концу 1812 года распоряжением императора годовое содержание тайному советнику Сперанскому (хоть и ссылкойному!) было увеличено до 6000 рублей. Да тут еще поступило строгое распоряжение министра полиции пермским властям держать себя «в границах». Да еще привет ссылкойному от Санкт-Петербургского митрополита...

«Лучшее» пермское общество страшно переполошилось. Запоздалый визит на квартиру к Сперанскому целой делегации во главе с губернатором Гермесом запомнился всем неловкой атмосферой. Как признавался один из участников сцены, «чувство стыда смешалось в нас с чувством страха».

Между тем Сперанский не стал мстить никому. Напротив, он принимал участие в общественных и даже некоторых семейных собраниях «как давнишний пермяк».

В самом деле, ему нужно было жить на положении ссылкойного еще почти год...

ОБРАЗ «ПУТЕШЕСТВЕННИКА» ГРЕЗИЛСЯ ЦАРЮ

В своем письме императору из пермской ссылки бывший государственный советник предельно обходителен в обращениях, даже если напоминает Александру о неприятных вещах. Недаром Сперанский «на досуге» написал еще один любопытный трактат – «Правила высшего красноречия» (об искусстве сочинить книгу). Он был великолепным ритором и просветителем. Чего стоит такой оборот: «Желаю еще лучше быть прощенным, нежели во всем правым» (!)

Получив от царя первые признаки облегчения своего положения и, в частности, право переписки, Михаил Михайлович обращается к всесильному графу Аракчееву, ставшему приближенным лицом императора, с настоятельным требованием: официального суда и гласного суда. Сперанский говорит: объявите же, за что страдал?!

Не сразу, но он получил, наконец, объяснения, и от человека, на которого надеялся больше, чем на кого-либо. Назначая Сперанского гражданским губернатором в Пензу – первая ступень восстановления в правах – Александр признался, что его, царская, личная вина кроется

лишь в одном, а именно – в обстоятельствах, при которых ему переданы были компрометирующие материалы. Важность их и принудила императора удалить от службы тайного советника Сперанского, а также его помощника действительного статского советника Магницкого (сразу вспоминается, по созвучию, нашумевшее дело юриста Магнитского, какая-то «заколдованная» прямо фамилия, и в те далекие годы носитель ее стал невинным страдальцем - авт.). А обстоятельства были таковы: доносы вручили Александру перед началом войны 1812 года, перед самым отправлением его в армию. К слову сказать, госсветник Сперанский отговаривал государя и от этого шага, от руководства военными действиями, что Александру очень не понравилось. Судя по всему, императора все же посещали угрызения совести из-за расправы со своим бывшим любимцем. И он нашел в себе мужество признаться, что не приступил бы к таким репрессивным поспешным мерам «без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным». Заканчивается царский указ так: «По возвращении моем приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их (Сперанского и Магницкого- авт.) и не нашел убедительных причин к подозрению».

Не найдено причин даже для подозрения! И уж тем более - для обвинения в преступных антигосударственных поступках...

МЕТАМОРФОЗЫ

Все пережитое, конечно, сильно потрясло и Сперанского. Он не только изменился внешне за годы пермской ссылки, изменились, и в чем-то необратимо, его взгляды, мировоззрение. Это заметили многие. Не все поняли, а кто-то не простил «измены идеалам молодости».

В кружках передовой творческой интеллигенции ходила эпиграмма, написанная Петром Вяземским в 1818 году.

«На степени вельмож Сперанский был мне чужд.

В изгнанье, под ярмом презрения и нужд,

В нем жертву уважал обманчивого счастья;

Стал ненавистен мне угодник самовластья»

Так думал в то время не только поэт. В письме другу Вяземский решил объяснить начистоту: «Я не прощаю людям, которые заставляют переменить о них мнение. Я этого человека хотел уважать. Знаешь ли стихи, которые у меня вырвались, проезжая мимо его новгородской деревни; он тогда уже библейничал...». Осуждению со стороны передовой на тот момент общественности Сперанский подвергался за отход от либеральных идей и сближение с официальным мистицизмом. Что уж там, даже Александр Пушкин, который очень высоко ценил знакомство свое, беседы с Михаилом Михайловичем, но и он однажды не стерпит, запишет (по-французски) раздраженное замечание: «Сперанский – беспокойный, невежественный попович».

...Устав от неотвязных горьких дум, Михаил Михайлович шел к своему единственному собеседнику игумену Иннокентию. Читали с батюшкой одни душеполезные книги, толковали о вечном...

Спустя двенадцать лет здесь же, в Перми, император Александр Благословенный дольше других беседовал с известным старцем Иустином, доживавшим свой век уже на покое. Старец служил епископом в годы ссылки Сперанского.

Образ «Путешественника» (условный псевдоним Сперанского в тайной переписке) не раз грезился Александру Павловичу еще по дороге в Пермскую губернию. В молодые годы, лет двадцать назад, именно он, Михаил Михайлович понимал императора лучше многих. Точнее, даже знал, что ход мыслей молодого царя был гораздо более критичным по отношению к российскому обществу.

В «Пермском письме» тайный советник писал своему государю не только о том, что реформа финансовой системы спасла государство от банкротства. Сперанский напомнил и о том, что он терпел унижения и молчал, потому как связан был не своей тайной, а тайной государя. Намек - на подготовку новой конституции. Сперанский готовил Александра к вводу конституционной монархии. Но царь на этот шаг так и не решился.